

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 800+801.3

Т. В. АЛЕЙНИКОВА

Омский государственный технический
университет

АНГЛИЙСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ЭТИКИ КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ СИСТЕМА

Данное исследование посвящено комплексному подходу в изучении английской терминологии этики как интегративной системы в многомерной информационной модели мира. Английская терминология этики представляет собой интегративный научный феномен, специфической особенностью которого является комплексный, междисциплинарный характер и общеполитический масштаб. Разнообразие источников ее формирования: лексические ресурсы из других национальных языков и смежных гуманитарных и социальных наук — характерная особенность анализируемой терминологии.

Ключевые слова: английская терминология этики, интегративная система.

В последние десятилетия в результате интеграции наук и глобализации знания специалисты сталкиваются с большим объемом новой информации в области философской науки, религии и культуры. В связи с этим возникает проблема взаимопонимания между современниками, а также осмысления того, что было создано нашими предшественниками. Это повлекло за собой новый всплеск интереса к этике, одной из центральных проблем которой является исследование научного познания морали как одного из типов ценностного сознания наряду с искусством и религией. Язык морали включает целый пласт лексических единиц, с помощью которых выражаются высшие человеческие ценности и нормы. В современном культурном пространстве наряду с универсальными этическими концептами, не имеющими территориаль-

ных и лингвистических границ, развиваются тенденции к проявлению культурно-обусловленных этических представлений. Настоящее исследование посвящено комплексному изучению интегративного характера английской этической терминологии в многомерной информационной модели мира.

Действительно, сегодня информационная открытость, увеличение разнообразия межкультурных коммуникаций, поднимают проблему эффективности взаимопомощи и взаимодействия в глобальной научной и культурной инфраструктуре. При этом новые аспекты приобретают поиски научного «смыслового пересечения культур» (Ю.М. Лотман), а также информационно-лингвистического осмысления этических проблем. Вместе с тем терминология данной области знаний до настоящего времени не была исследована

и систематизирована, что в значительной степени осложняет взаимопонимание, приводит к смешению понятий. В своем изложении мы исходили из тех теоретических основ, которые были заложены еще в 30-е годы А.А. Реформатским, по мнению которого в развитии наук язык является не случайным ингредиентом, а входит структурным элементом в существо науки [1, с. 164 – 165]. В специальной логико-аналитической литературе по вопросам морали используется весьма разнообразная (нередко противоречивая) терминология, что затрудняет понимание в этой области и осложняет поиск и получение общезначимых результатов.

Анализ языка этической науки может способствовать, на наш взгляд, прояснению моральных понятий, повышению точности и доказательности этического рассуждения, а также в целом поднять теоретический уровень современной этики. Английская этическая терминосистема (АЭТ) имеет интегративный, междисциплинарный характер и представляет собой массив лексического состава языка, и как всякая терминология, отражает, с одной стороны, прямое воздействие на язык социокультурных экстралингвистических факторов, а с другой – проявление отдельных общих тенденций развития и функционирования национального языка.

Говоря об этической терминологии английского языка, следует отметить, что она представляет собой интегративный научный феномен, специфической особенностью которого является комплексный, междисциплинарный характер и общеполитический масштаб. Описывая данную систему подробнее, мы установили, что характерной особенностью анализируемой терминологии является разнообразие источников ее формирования.

В настоящее время интерес к проблемам терминологии не только не снижается, но, наоборот, возрастает. Действительно, терминология, составляющая значительную часть лексического состава языка и являющаяся «семантическим ядром лексики языка науки» [2, с. 7], привлекает все большее внимание современных исследователей, а терминоведение занимает одно из ведущих мест в системе современных наук. Лингвистический подход к исследованию терминологии предполагает выяснение природы термина, его онтологической сущности: что такое термин и чем он отличается от слов общего языка? В данной работе мы исходим из определения понятия «термин», данного О.С. Ахмановой: «термин – *англ. term, фр. terme, нем. Fachwort, исп. termino, tecnicismo*. Слово или словосочетание (научное, техническое и т.п.) языка, создаваемое (принимается, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов». В свою очередь, «терминология – *англ. terminology, фр. terminologie, нем. Terminologie, исп. terminologia* представляет собой совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор (пласт) лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению» [3, с. 474].

В настоящее время стало общепризнанным, что терминология представляет собой системное образование. Ее системность предопределена экстралингвистически – строгой зависимостью терминологии от понятий системы данной области знания. В соответствии с иерархической структурой понятий в научной системе выстраиваются и термины, передающие эти понятия. Значение термина как «места» в теории, как имени элемента знания проявляется также в со-

вокупности всех его системных связей с другими терминами, выясняемых на основании употребления термина в научных теоретических текстах. Тем самым, материала дефиниции явно недостаточно для установления связей термина (системность), отличающий его как члена системы от обычного слова, указывал еще Г.О. Винокур. Он находил, что семасиологические связи между значениями терминов «одного круга» образуют известную систему, в которой имеются некоторые закономерности. Система семасиологических связей между значениями терминов одного круга вполне сходна с идеей терминологического поля, предложенной А.А. Реформатским: «...термин парадигматичен семантически, то есть в каждой терминологии соотнесен (и обязательно соотнесен, если это термин) с теми или иными понятиями. В этом смысле у каждого термина имеется свое поле в пределах данной терминологии, что можно и должно фиксировать точно. Поле для термина – это данная терминология, вне которой слово теряет свою характеристику термина» [5, с. 51].

Определяющей тенденцией развития современной науки является интеграция знания, которая проявляется во взаимодействии и взаимопроникновении самых разных областей науки и приводит, в частности, к возникновению комплексных научных дисциплин. На уровне языка науки процесс интеграции научного знания обуславливает появление целого ряда терминосистем, специфической особенностью которых является их междисциплинарный характер. За последнее время исследовано значительное количество таких систем терминов: терминология археологии, кибернетики, физической химии, языкознания, и пр. Появился даже термин «интеграционная терминосистема», введенный филологом Т.Н. Уваровой [6], который в дальнейшем получил свое развитие в работах других авторов, в частности, Н.А. Тухарели [7]. Причины интеграционного характера терминосистем могут быть самыми различными и обусловлены спецификой формирования и развития соответствующих областей знания.

Особенности становления и развития этической проблематики создали предпосылки для широкого привлечения в состав этической терминологии терминов из терминологий различных научных дисциплин и областей человеческой деятельности, таких, как философия, экономика, политология, право, государственное управление, логика, психология, социология и др., что и привело в конечном счете к возникновению интеграционной терминосистемы, предмета данного исследования, специфической особенностью которой является комплексный, междисциплинарный характер.

Общеизвестно, что терминосистемы интеграционного типа традиционно имеют три пласта лексического состава. Так, основу любой терминологии составляют термины, которые родились в процессе конкретной научной деятельности для обозначения специфических для данной отрасли знания реалий, понятий, категорий. В работах по терминологии за ними закрепилось наименование «собственные термины» т.е. наименования узкоспециальных понятий; как лексические единицы они впервые возникают в рамках той или иной конкретной терминосистемы.

Вторым обязательным пластом для интеграционной терминосистемы будет привлеченная лексика – готовые лексические единицы, заимствуемые из других терминологических и нетерминологических подсистем литературного языка (общенаучные термины, тер-

мины из смежных терминологий, общеупотребительная лексика). Они могут использоваться для обозначения понятий, специфических для данной области знания, а также заимствоваться вместе с теми понятиями, для наименования которых они возникли в рамках других лексических подсистем.

Как следует из научных работ, проведенных на материале ряда интеграционных терминосистем, терминологи по-разному классифицируют лексику, о которой идет речь, что связано с различным пониманием самого термина «привлеченная лексика». В зависимости от разного понимания термина «привлеченная лексика» исследователи по-разному описывают состав анализируемых терминосистем. Большинство исследователей, вслед за В.П. Даниленко [8], выделяют пласт общенаучной терминологии, пласт межнаучной терминологии и конкретно-научную (узкоспециальную) терминологию, по необходимости расширяя и дополняя этот ряд. Вышеперечисленные группы терминов выделяются исследователями по признаку обозначаемого ими понятия: общенаучного, бытового, специального для других терминологий, специального для собственной терминологии. Широкому пониманию термина «привлеченная лексика» соответствует другая классификация, в соответствии с которой весь состав интеграционной терминосистемы делится на две группы — собственные термины и привлеченные единицы — с последующим делением последних на общенаучные, межотраслевые, термины других наук, общеупотребительную лексику. По этой схеме описаны, например, общегеологическая терминосистема [9], терминология производства стекловолокна [10] и ряд других. Достоинством этой классификации является то, что она рассматривает в одном ряду процессы привлечения общенаучных терминов, терминов из других терминосистем и общеупотребительной лексики, что оправдано сходством происходящих при этом явлений. В одном из источников материала [7, с. 62] классификация интеграционных терминосистем представлена с выделением третьего пласта — заимствованной лексики.

Итак, в соответствии с вышесказанным, в составе любой интеграционной терминосистемы можно выделить три лексических пласта:

1) собственные термины — термины, выражающие понятия, специфические для данной области знания. Как лексические единицы, они впервые возникают в рамках данной конкретной терминосистемы;

2) привлеченная лексика — готовые лексические единицы, заимствуемые из других терминологических и нетерминологических подсистем литературного языка. Как мы уже отмечали, в одном случае лексические единицы могут привлекаться в состав конкретной терминосистемы для обозначения понятий, специфических для данной области знания — собственнопривлеченная лексика, в другом — вместе с теми понятиями, для обозначения которых они были приняты в тех лексических подсистемах, откуда заимствуются — несобственно-привлеченная лексика. Последние составляют специфику терминосистем интеграционного типа;

3) заимствованная лексика (так называемые внешние заимствования).

Предложенная классификация обладает следующими достоинствами: помогает представить национальное лексическое ядро каждой интеграционной терминосистемы; выявляет различный характер привлечения терминов и общеупотребительных слов в интеграционной терминосистеме; рассматривает процессы привлечения общенаучных терминов, тер-

минов из других терминосистем и общеупотребительной лексики.

Безусловно, в этической терминологии, как и в составе практически любой системы терминов, можно найти примеры специальных наименований, которые возникли в результате уточнения или семантического переосмысления общеупотребительных слов, общенаучных терминов, специальной лексики из других терминосистем. Поскольку первоначально этика зародилась в недрах философии, и, разделив с ней общий объект исследований, — язык и сознание — воспользовалась и существующим понятийным аппаратом. Исследуя основные вехи исторического развития, мы установили, что как самостоятельная систематизированная дисциплина этика вычленяется в аристотелевской версии (300 г. до н.э.), но лишь в XIII в. после перевода «Никомаховой этики» на латинский язык последняя становится основным университетским курсом. Так как этика является обозначением как всей практической философии, так и первой составной частью последней (наряду с экономикой и политикой). Являясь составными частями единой науки, они имеют значительный общий терминологический фонд. Трудно, например, определить однозначно, к терминологии какой из названных дисциплин относятся следующие термины: **unity, duty, humanity, supremacy, civilization**. Очевидно, они носят междисциплинарный характер и входят в каждый из подязыков практически без изменений.

Необходимо отметить, что этика представляет собой сложную область знаний, в сферу интересов которой попадают практически все стороны человеческой деятельности. Это находит отражение в ее терминологии, которая помимо социальных дисциплин (юриспруденции, логики, политологии, психологии) аккумулирует в себе понятия целого ряда других наук:

— **теологии** — **Eucharist, sacrifice, Jesuitism, redeemer, temptation, confession, grace**;

— **экономики** — **sanctions, corporation, competition, mercantilism, company, value**;

— **истории** — **Reformation ethics, casuistry, class-consciousness, Peripateticism, tyranny, knighthood, abolitionism, dominion, monarchy**;

— **математики** — **transcendental, measure, maxima, mean, rational, symbol**;

— **биологии** — **bioethics, masochism, prescription, informed consent**;

— **лингвистики** — **semiotics, general semantics, logical syntax, pragmatics** [11].

В общей сложности мы выделили 11 областей знаний, термины которых были заимствованы в подязык этики. Нормативные выводы этики всегда связаны с общеполитической теорией. Мораль претендует на абсолютность, на то, чтобы быть последней ценностной опорой человеческого существования. Поэтому учение о морали неизбежно переплетается с учением о бытии, что неизбежно влечет за собой пересечение и взаимопроникновение их терминосистем. Рефлексия над моральными основаниями человеческого бытия, осознание смысла жизни сопряжены с определенными мыслительными и эмоциональными процессами. Для их обозначения используются термины, заимствованные из подязыка психологии, например: **character** — *характер*; **conflict** — *конфликт*; **hope** — *надежда*; **violence** — *насилие*; **empathy** — *эмпатия, сопереживание*; **perception** — *восприятие, понимание* [11].

Продолжая расширять границы своих исследований, этика вступает в контакт со многими сферами

человеческой деятельности, что в дальнейшем может выразиться в привлечении в этическую терминологию лексических единиц из смежных дисциплин. Так, уже в настоящее время идет речь о создании биоэтики, этики науки, фармацевтической и экологической этики. Подобная интеграция неизбежно повлечет за собой определенные изменения терминологического характера, анализ особенностей которых может стать предметом дальнейшего изучения.

Однако одного факта наличия привлеченной лексики в составе частной терминосистемы недостаточно для того, чтобы охарактеризовать ее как интеграционную. Все частно-отраслевые терминосистемы, объединенные в работе термином «интеграционная терминосистема», характеризуются, как правило, такими специфическими особенностями их лексического состава, как:

- значительный удельный вес привлеченной лексики в составе терминосистемы;
- разнообразие источников привлечения терминов;
- привлечение не столько отдельных терминологических единиц, сколько целых фрагментов терминосистем;
- наличие пластов несобственно-привлеченных терминов.

Все перечисленные особенности в полной мере свойственны и английской этической терминологии.

С этимологической точки зрения, большинство терминов, 80 % от общего объема выборки, — иноязычного происхождения, т.е. восходят своими корнями к другим языкам. Среди возможных причин межъязыковых заимствований можно выделить взаимодействие языков и культур, возникновение новых понятий, стремление расширить возможности собственного языка в области номинации и словопроизводства. В результате этимологического анализа мы получили данные, отраженные в табл. 1.

При этом подавляющее большинство терминологических единиц (98%), заимствованных из других языков, подверглось процессу полной или частичной ассимиляции, и лишь немногие — 2% от общего объема выборки — являются «прямыми заимствованиями» [12, с. 13], то есть не изменили свой иноязычный облик (графический и фонетический). Так, в АЭТ в качестве терминов используется ряд подобных варваризмов из различных языков, в том числе:

- немецкого: **Verstand** — разум, **anderssein** — иныбытие (у Гегеля); **urgrund** — первопричина; **Vernunft** — рассудок; **Verstand** — рассудок; **Weltanschauung** — концепция о развитии событий и целей мира; **Weltansicht** — аспект рассматривания мира;
- греческого: **agape** — *агапэ*, **autarky** — *автаркия*, **autonomy** — *автономия*, **adiaphora** — *адиафора*, **apathy** — *апатия*;
- латинского: **anima** — *душа*; **causa** — *причина*; **coincidentia oppositorum** — *отождествление и примирение противоположностей*; **esse** — *существование*; **non-esse** — *небытие*; **proprium** — *индивидуальность, личность*.

Подобное влияние различных языков на английскую терминологию этики объясняется рядом социолингвистических факторов, а именно вкладом исследователей разных стран в развитие этической науки. Занимаясь разработкой теоретических и практических вопросов морали, ученые открывают новые закономерности и сталкиваются с необходимостью их обозначения, что влечет за собой появление новых терминов, которые постепенно заимствуются другими языками.

Таблица 1

Этимологический анализ английских терминов этики

Язык	Доля в выборке иноязычных ТЕ, %	Соотношение иноязычных ТЕ к общему объему, %
Французский	63,01	50,40
Латинский	27,40	21,92
Греческий	6,87	5,50
Санскрит	1,04	0,83
Арабский	0,62	0,50
Немецкий	0,40	0,33
Китайский	0,33	0,26
Иврит	0,21	0,17
Итого:	100%	80%

Таким образом, на примере собранного и проанализированного материала, представленного как собственно терминами АЭТ, так и единицами привлеченной лексики смежных областей знаний (философии, логики, политологии, теологии, психологии и ряда других), мы получили возможность показать интеграционный характер АЭТ.

Исследование терминологии этики английского языка на материале выборки терминов общим объемом более 3000 терминологических единиц, проведенное в связи с изучением истории становления этической науки, показало, что:

1. Этическая наука является комплексной научной дисциплиной интегративного характера, поэтому ее терминология неоднородна по своему составу, имеет междисциплинарный характер и масштабные рамки. Так, в английскую этическую терминологию вошли:

- общелитературная лексика, которая подверглась семантическому переосмыслению и в настоящее время составляет основу английской терминосистемы этики;
- общенаучная лексика, которую мы также считаем необходимым элементом языка науки, связывающим его с научным знанием в целом;
- термины, заимствованные из смежных с этикой дисциплин, объединенных общностью объекта исследования;
- собственно термины этики, служащие названием основных этических направлений и концепций, используемых в рамках данной науки.

2. Формирование терминологии этики в английском языке происходило как за счет ресурсов самого английского языка, так и путем заимствования из других языков. Среди последних особенно выделяются термины, образованные на основе греческих и латинских корней, что обусловлено ведущей ролью этих классических языков в формировании английской терминологии языка науки, особенно на начальных этапах ее развития.

3. Этика представляет собой очень сложную область человеческих знаний, в поле внимания которой попадает широкий спектр проблем, связанных с ценностным сознанием, теорией норм и добродетелей. В результате неизбежно ее сближение с другими науками, занимающимися рассмотрением схожих проблем, что приводит к взаимопроникновению их терминов и как следствие этого — к распространению междисциплинарной омонимии. Так, в исследуемой

выборке терминов этики функционирует большое количество терминологических единиц, омонимичных с терминами смежных областей знаний, а именно философии, теологии, истории, психологии, медицины, что составляет 58 % от общего объема выборки.

4. Систематизация английской терминологии этики представляется особенно важной, так как данная наука ставит перед собой задачи интерпретации ценностных норм и правил поведения в социуме, а достичь подобного понимания не всегда удается без наличия соответствующей систематизированной терминологии.

Библиографический список

1. Реформатский, А.А. Мысли о терминологии / А.А. Реформатский // Современные проблемы русской терминологии. — М., 1986. — С. 163—198.
2. Даниленко, В.П. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии / В.П. Даниленко, Л.И. Скворцов // Вопросы языкознания. — 1981. — № 1. — С. 7—16.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. — М.: Сов. энциклопедия, 1969. — 608 с.
4. Нестеров, П.В. Основные направления совершенствования работ в области упорядочения и стандартизации терминологии / П.В. Нестеров — М., 1983. — 79 с.
5. Реформатский, А.А. Что такое термин и терминология? / А.А. Реформатский Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. — М.: АН СССР, 1961. — С. 46—54.
6. Уварова, Т.Н. Семантика и структура терминов физической химии в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филологических наук / Т.Н. Уварова — Ростов-на-Дону, 1994. — 23 с.
7. Тухарели, Н.А. Терминология дизайна в лексической системе русского языка : автореф. дис. ... канд. филологических наук / Н.А. Тухарели. — М., 1994. — 31 с.
8. Даниленко, В.П. Терминология современного языка науки / В.П. Даниленко Терминоведение и терминография в индоевропейских языках : сб. науч. тр. — Владивосток, 1987. — С. 61—66.
9. Бессонова, Е.В. Семантика и структура русской общегосударственной терминологии : дис. ... канд. филологических наук / Е.В. Бессонова. — М., 1985. — 189 с.
10. Антошкина, Л.И. Структурно-семантические характеристики русской терминологии и номенклатуры производства стекловолна / Л.И. Антошкина : автореф. дис. ... канд. филологических наук. — Днепропетровск, 1991. — 27 с.
11. Алейникова, Т.В. Англо-русский словарь этических терминов: Ethics. / Т.В. Алейникова — Омск: ОмГТУ, 2005. — 88 с.
12. Анисимова, А.Г. Типология терминов англоязычного искусствоведения : автореф. дис. ... канд. филологических наук / А.Г. Анисимова — М., 1994. — 20 с.

АЛЕЙНИКОВА Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: e-mail: tanya_aleynik@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.03.2010 г.

© Т. В. Алейникова

УДК 811.111 : 379.85

О. В. ДАНИЛЕНКО

Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ИННОВАЦИЙ В АНГЛИЙСКОЙ ТУРИСТСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ XX в.: ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

Статья посвящена анализу инноваций в английской туристской терминологии XX в. В рамках социолингвистического подхода внеязыковая действительность соответствующим образом повлияла на языковую реальность, следствием чего стало появление, во-первых, многокомпонентных терминологических сочетаний и, во-вторых, сокращений, как неотъемлемого способа усечения сочетаний подобного рода с целью ускорения процесса коммуникации.

Ключевые слова: социолингвистический подход, английская туристская терминология, многокомпонентные терминологические сочетания, сокращения.

В основе данного исследования лежит социолингвистический подход, в рамках которого необходимым является изучение факторов внеязыковой действительности при исследовании соответствующего лингвистического материала.

С точки зрения социолингвистического подхода к терминологии, любому терминому необходимо владеть теоретическим материалом об историческом развитии и становлении того подязыка, которым он занимается в рамках своего исследования.

Социоллингвистика, по мнению Ю. Д. Дешериева, — это направление в лингвистике, которое исследует язык как социально обусловленную, специфическую, относительно самостоятельную систему и его общественные функции. На этой основе автор выделяет «двуединую» задачу социоллингвистики: изучение влияния общества, социальных факторов на функционирование, развитие и взаимодействие языков, с одной стороны, и роли языков в развитии общества — с другой [1].

А. Д. Швейцер определяет социоллингвистику, как научную дисциплину, развивающуюся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии и изучающую широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества [2].

В свою очередь терминология, будучи прямым отражением развития науки, техники, культуры, искусства, социальных отношений внутри общества, естественным образом становится объектом социоллингвистики.

Таким образом, актуальным является изучение становления и развития английской туристской терминологии в социоллингвистическом освещении.

Целью данной работы стало изучение и описание функционирования английской туристской терминологии в XX в. в связи с развитием соответствующей области знания для выявления специфики лингвистических процессов и их экстралингвистической обусловленности.

На протяжении всей истории развития человеческого социума туризм играл колоссальную прогрессивную роль, стимулируя науку, развитие транспортных средств, торговлю, дипломатию. Поступательное развитие туризма всегда являлось необходимой составной частью мирового исторического процесса.

В современной туристской литературе нет единой точки зрения по поводу периодизации истории становления и развития туризма.

По мнению А. П. Воронковой историю развития туризма можно разделить на четыре этапа. Период до начала XIX в. принято считать предисторией развития туризма. В связи с зарождением специализированных предприятий по производству туристских и гостиничных услуг XVIII в. был ознаменован появлением элитарного туризма, а XIX — XX вв. характеризуются становлением социального туризма. После Второй мировой войны и до настоящего времени идет период развития массового туризма [3].

Стремительное развитие индустрии туризма в XX в., как утверждает М. Б. Биржаков, стало закономерным следствием того, что основным потребителем туристских услуг становится средний и при том самый многочисленный класс населения, что приводит к выходу туризма на новый международный массовый уровень [4].

Следствием сложившихся экстралингвистических тенденций становится появление в английской терминологии подъязыка туризма многокомпонентного терминологического сочетания (МКТС) **international mass tourism** — *международный массовый туризм* [5].

По мнению А. Б. Ткачевой, МКТС — это «многокомпонентное раздельно оформленное семантически целостное сочетание, образованное путем соединения двух, трех и более компонентов» [6, с. 39].

Характерной особенностью выборки английских туристских терминов XX в. становится появление, во — первых, МКТС, например, **World Association of Travel Agencies** — *Всемирная организация туристских агентств*, а во — вторых, сокращений, как неотъем-

лемого способа усечения МКТС с целью языковой экономии и для необходимого ускорения процесса коммуникации, например, **WATA** — *BATA: Всемирная организация туристских агентств*.

При этом анализ выборки показал, что преобладающим являются двух — и трехкомпонентные терминологические сочетания (ТС). Двухкомпонентных ТС насчитывается 70,9% терминов (а именно, 2658 терминологических единиц), трехкомпонентных ТС — 7,4% терминов (а именно, 278 терминологических единиц) и только 2,9% терминов являются четырехкомпонентными (а именно: 108 терминологических единиц).

Примером двухкомпонентного ТС в исследуемой терминологии является **resort hotel** — *гостиница, в которой жильцы проживают во время отпусков*; примером трехкомпонентного ТС — **super deluxe hotel** — *гостиница класса «суперлюкс»*; примером четырехкомпонентного ТС — **Tourism Area Life Cycle** — *жизненный цикл туристской дестинации: модель, как инструмент прогнозирования, руководство к стратегическому планированию и развития дестинации* [5].

Некоторые английские термины подъязыка туризма, как показало исследование, ставшие на сегодняшний день терминами международного уровня, являются *ядерными*, или *ядровыми*.

Терминологический спор по вопросу употребления в профессиональной речи специалистов *ядерный* или *ядровый* до сих пор остается открытым.

Так, например, Д. Э. Розенталь в своем словаре лингвистических терминов признает только *ядерные* структуры, как «наиболее простые модели в основе речевой деятельности» [6, с. 541].

В словаре Д. Н. Ушакова были отмечены оба варианта использования, но при этом *ядерный*, по словам автора, в первом своем значении «связан с ядром, то есть внутренней частью плода в твердой оболочке», а во втором случае — «со старинным орудийным снарядом в виде круглого литого (первоначально каменного) тела». *Ядровым*, по мнению автора, может быть так же то, что «связано с ядром, то есть внутренней частью плода в твердой оболочке», но, кроме этого, и то, что является «внутренней, средней или центральной частью чего — либо» [7, с. 727].

А. Б. Ткачева в своих работах утверждает, что именно *ядровые* термины или термины — ядра «несут в себе основную информационную нагрузку и являются основой для создания многокомпонентных терминологических единиц» [8, с. 45].

Проанализировав различные точки зрения по данному спорному вопросу, приходим к выводу о целесообразности подхода А. Б. Ткачевой к данной проблеме, следствием чего станет употребление в рамках нашего исследования прилагательного *ядровый*, а не *ядерный*.

Итак, примером ядрового термина в исследуемой терминологии является английский термин **tourism** — *туризм*, который служит гнездовой основой для образования следующих терминологических сочетаний: **adventure tourism** — *приключенческий туризм: участие в специально запланированном и разработанном туроператором приключении в экзотические и экологически чистые природные резерваты, часто связан с определенным риском и физическими нагрузками*; **ecological tourism** — *экологический туризм: «природный туризм с мягким прикосновением к природе», туристские программы предусматривают посещение экологически чистых мест, заповедников*.

Аналогичными примерами являются следующие ядровые термины: **tour**, входящий в состав 23 ТС;

service, входящий в состав в 19 TC; flight – 13 TC; hotel – 12 TC; travel – 10 TC.

При образовании английских терминологических сочетаний подъязыка туризма ядровые термины могут занимать постпозицию, например, **guided tour** – тур в сопровождении гида; препозицию, например, **tour conductor** – сопровождающий группы туристов; инпозицию, например, **free tour conductor** – бесплатно предоставляемый туристской фирмой сопровождающий группы туристов. Тем не менее, как показал проведенный анализ английской терминологии подъязыка туризма, преобладающими являются случаи постпозиционного положения ядрового термина.

Кроме этого, в рамках исследуемой выборки были выделены ТС связного и свободного типов.

По мнению Л. Б. Ткачевой, связное терминологическое сочетание (СзТС) – это «устойчивое ТС, в котором невозможна субституция составляющих его элементов без нарушения семантической целостности всего сочетания» [8, с. 40].

Согласно проведенному анализу в исследуемой выборке СзТС занимают доминирующее положение, что представлено 67,4% от общего количества терминов (а именно, 2527 терминологических единиц). Например, **walter service** – обслуживание официантами, **package tour** – поездка с определенными туристскими услугами.

Свободное терминологическое сочетание (СбТС), по мнению Л. Б. Ткачевой, можно определить как «ТС, внутри которого возможна синонимическая субституция одного или двух составляющих его элементов с сохранением семантической целостности всего сочетания» [8, с. 41].

В данной выборке СбТС насчитывается 13,8% от общего количества терминов (а именно: 517 терминологических единиц). Например, **tourist information centre = tourist information office = tourist bureau** – туристский центр.

МКТС остаются преобладающим способом терминообразования в английской туристской терминологии, но параллельно с ним существует тенденция к сокращению и усечению сочетаний подобного рода.

Что касается классификации сокращений, то пока нет единой точки зрения по этому вопросу. В рамках данного исследования наиболее полной представляется нам классификация, предложенная И. В. Арнольд [9].

Анализ выборки английских сокращений общим объемом 210 терминологических единиц показал, что их основная сфера использования в подъязыке туризма определяется в рамках документационного обеспечения.

Соответствующее терминологическое исследование международных компьютерных систем бронирования показало, что наибольшее количество английских терминологических единиц сокращены графическим и буквенным способами.

Графические сокращения данной выборки, которые составили 23,8% от общего числа сокращений исследуемой выборки (а именно, 50 терминологических единиц), были подразделены в соответствии со следующими способами образования, а именно:

1. Аббревиатуры с сохранением всех компонентов сочетания имеют следующие модели: аббревиатуры, состоящие из двух инициальных букв, например: **BB** – **buffet breakfast** – шведский стол; аббревиатуры, состоящие из трех инициальных букв, например: **BTA** – **British Tourist Authority** – Британское управление по туризму; аббревиатуры, состоящие из четырех инициальных букв, например: **ASTA** – **American**

Society of Travel and Tourism – Американское общество туристских агентств.

2. Аббревиатуры с опущением одного или нескольких компонентов сочетания, например: **FAM** – **familiarization tourism** – ознакомительный туризм.

Буквенный тип сокращений, по мнению И. В. Арнольда, представляет собой сокращения МКТС в одно производимое слово путем сложения инициальных букв терминов, например: **RO** – **room only** – тариф, согласно которому туристу предоставляется только проживание без питания [9].

Буквенные сокращения представлены 23,3% от общего числа сокращений исследуемой выборки (а именно: 49 терминологических единиц).

Слоговый тип сокращений, по мнению И. В. Арнольда, это термины-аббревиатуры, образованные путем соединения начальных слогов или слога назывного словосочетания, которые представляют при произношении единое слово [9].

Примером слогового типа сокращений в исследуемой выборке может стать **mar.** – **marine** – 1. морской флот (торговый) 2. судоходство, морское дело 3. вид на море, морской пейзаж; **condo** – **condominium** – кондоминиум: кооперативный жилой дом, используется в период отпусков [10].

Слоговый тип в исследуемой выборке представлен 11,9% от общего числа сокращений (а именно, 25 терминологических единиц).

Кроме этого в выборке английских сокращений подъязыка туризма был выделен буквенно-слововый тип, то есть аббревиатуры, состоящие из первого или конечного слова или слога и букв, и при этом, по мнению И. В. Арнольда, в рамках данного типа сокращений может наблюдаться опущение отдельных слогов или даже целых слов [9].

Например, **APEX** – **advance purchase excursion** – заранее оплаченная экскурсия; **EXBED** – **extra bed** – дополнительная кровать: устанавливается в номерах по желанию клиента; **Britrail pass** – **British Railway pass** – 1. именной проездной билет с крупной скидкой на проезд; 2. проездной билет для визитеров и гостей: продается на один или несколько дней на любой класс [5].

В рамках анализа выборки английских туристских терминов было определено, что буквенно-слововый тип представлен 9% от общего числа сокращений (а именно: 19 терминологических единиц).

Усеченный тип сокращений, который наблюдается в результате слияния двух усеченных основ, образуя новое слово, является самым малочисленным в исследуемой выборке и составляет 4,3% от общего числа сокращений (а именно: 9 терминологических единиц). Например, **DEP** – **de part** – отбытие, вылет; **all-in-all inclusive** – тур с включенными в стоимость туристскими услугами (в Англии) [10].

Проанализировав усеченный тип сокращений подъязыка туризма, возможным становится выделить примеры апокопы, то есть такого вида усечений, когда происходит усечение конца слова или словосочетания, что составило 2,9% от общего числа сокращений исследуемой выборки (а именно, 6 терминологических единиц).

Например, **apart hotel** – **apartment hotel** – апартаментель: гостиница категории «3 звезды», номера состоят из апартаментов, в каждом номере есть кухня; **check-in** – **check-in time** – 1. регистрация (билетов и багажа в аэропорту), 2. въезд (в гостиницу), «въездной» расчетный час [11].

Кроме этого, следует отметить в данном типе сокращений примеры анафереиза, вида усечений, когда

происходит усечение начала слова или словосочетания, которые составили 8% от общего числа сокращений исследуемой выборки (а именно, 17 терминологических единиц).

Например, **A–Category A** – номер с двумя комнатами класса «люкс»; **B–Category B** – номер с двумя комнатами класса «стандарт»; **C–Category C** – малый номер с двумя комнатами; **D–Category D** – номер с одной комнатой; **E–Category E** – семейный номер: рассчитан на трех человек [10].

Кроме этого, в английской туристской терминологии были зафиксированы примеры акронимов, то есть аббревиатур, образованных из начальных букв слов или словосочетаний, произносимых как единое слово, а не побуквенно. Акронимы в исследуемой выборке составили 1,5% от общего числа сокращений (а именно, 3 терминологические единицы).

Например, **AIMS–Australian Institute of Marine Science** – (общелитературный язык – цели, намерения, мишеней) – Австралийский институт наук о море: занимается экологией Большого Барьерного рифа, океанографическими исследованиями Кораллового моря и вод, омывающих Австралию с севера; создан в 1972; находится в штате Квинсленд; является объектом туристского интереса [10].

Что касается контрактуры, то следует упомянуть, что насыщенная терминологическая база английских сокращений подязыка туризма обладает и такими примерами. При этом контрактура, по мнению И.В. Арнольд, это сокращенная форма, которая образуется путем сохранения целого ряда согласных букв термина, создавая консонантивную (consonant – согласный звук) аббревиатуру и телескопию [9].

Так, например, **BDRM–bedroom** – спальня; **ADL – adult** – взрослый: турист старше 18 лет, **APR – apartment** – апартамент: роскошный номер квартирного типа, состоящий из нескольких комнат [11].

Примеров контрактуры насчитывается 4,3% от общего числа сокращений исследуемой выборки (а именно, 9 терминологических единиц).

Кроме этого, оказалось возможным выделить смешанный тип сокращений, который представлен гибридными терминами, не вошедшими ни в одну из представленных выше категорий.

Смешанный тип представлен в исследуемой выборке английских туристских терминов 11% от общего числа сокращений (а именно, 23 терминологические единицы).

Например, **ADT+1 pm (Pacific Daylight Time)** – Тихоокеанское стандартное время (штаты Невада, Калифорния, Орегон и Вашингтон, штаты Юкон и Британская Колумбия); **1 BDRM–one bedroom** – апартаменты с одной спальней; **M 1 (M-1)** – автострада №1: автомобильная дорога, соединяющая Лондон и Йоркшир [10].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что характерной особенностью развития английской туристской терминологии в XX в. стало появление многокомпонентных терминологических сочетаний и сокращений как неотъемлемого способа усечения сочетаний подобного рода с целью ускорения процесса коммуникации.

В рамках анализа многокомпонентных терминологических сочетаний в исследуемой выборке английских терминов подязыка туризма преобладающими являются двух- и трехкомпонентные терминологические сочетания.

При образовании многокомпонентных терминологических сочетаний ядровые термины занимают

обычно постпозиционное положение.

Что касается классификации многокомпонентных терминологических сочетаний, то были выделены терминологические сочетания связного и свободного типов. При этом связные терминологические сочетания занимают доминирующее положение в исследуемой выборке.

Проведенный анализ английских сокращений подязыка туризма показал, что наибольшее количество терминологических единиц в международных компьютерных системах бронирования сокращены графическим и буквенным способами.

Итак, практическая значимость исследования состоит в том, что была составлена выборка английских туристских терминов общим объемом 3750 терминологических единиц, которые были проанализированы в рамках работы над диссертацией и которые войдут в толковый, хронологический, профессионально ориентированный англо-русский словарь по туризму.

Новизна данной работы заключается, во-первых, в том, что английская терминология подязыка туризма прежде не являлась предметом отдельного социолингвистического исследования, как показал соответствующий анализ ранее защищенных работ по исследуемой нами тематике.

Во-вторых, создание соответствующего словаря по туризму является актуальным не только в г. Омске, но и в России в целом, так как в связи с молодостью данной отрасли знания в нашей стране долгое время отсутствовали научные специальные словари, описывающие терминологию исследуемой области, а в качестве специальной литературы были в основном разговорники, которые, разумеется, не отвечали требованиям, предъявляемым к главному инструменту в области инвентаризации и упорядочения лексики.

Кроме этого, наряду с возросшей значимостью оборонно-промышленного потенциала г. Омск уверенно выходит на международный уровень, в связи с чем регулярно проводятся международные конгрессы и различные симпозиумы с целью обмена опытом и заключения договоров о сотрудничестве.

Таким образом, наш город становится важным объектом делового туризма. Согласно данным экстралингвистическим тенденциям, становится очевидной актуальность публикации соответствующих профессионально направленных терминологических словарей по туризму.

Библиографический список

1. Дешериев, Ю.Д. Социальная лингвистика / Ю.Д. Дешериев. – М.: Наука, 1983. – 382 с.
2. Швейцер, А.Д. Социолингвистика / А.Д. Швейцер. // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Русский язык, 1995. – С. 481–482.
3. Воронкова, Л.П. История туризма и гостеприимства / Л.П. Воронкова. – М.: Фаир Пресс, 2004. – 304 с.
4. Биржаков, М.Б. Введение в туризм / М.Б. Биржаков. – СПб.: Издательский дом Герда, 2007. – 576 с.
5. Collin, P.H. Dictionary of Hotels, Tourism and Catering Management. – Great Britain: Peter Collin Publishing, 2003. – 356 p.
6. Розенталь, Д.Э. Словарь – справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь. – М.: Просвещение, 1976. – 545 с.
7. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков: в 4 т. – Т.4. – М.: Терра – Книжный клуб, 2007. – 752 с.
8. Ткачева, Л.Б. Терминология как объект социолингвистики / Л.Б. Ткачева. // Научно-техническая терминология. – 2001. – Вып. 2. – С. 88–95.

9. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / И.В. Арнольд. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Высшая школа, 1986. — 295 с.
10. Bath and Beyond: 36 Leisure Attractions. — The Association of Bath and District Leisure Enterprises, 2004. — 120 p.
11. Superbreak №1: for short breaks in Britain (England, Scotland, Wales, Ireland). — CDS Publications Ltd: Tourism, Leisure, Creations, 2004. — 54 p.

ДАНИЛЕНКО Ольга Валерьевна, преподаватель кафедры иностранных языков, аспирантка кафедры иностранных языков по специальности «Германские языки».

Адрес для переписки: e-mail: danilenkosibgufk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.03.2010 г.

© О. В. Даниленко

УДК 002.2(571): 655(571)

Е. В. БЕРЕЗОВСКАЯ

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской
академии наук, г. Новосибирск

ОБЩАЯ ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗДАНИЯ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1991–2010 гг.)

Постсоветский период продолжающегося исторического существования России и её части — Сибири — относительно небольшой: всего неполных 19 лет (с августа 1991 г. по настоящее время). Но именно этот период характеризуется масштабными и глубокими изменениями всех сторон жизнедеятельности россиян: общественно-политической, экономической, культурной, образовательно-воспитательной, нравственной, личностной. Изменилось (и продолжает меняться) административно-территориальное деление Российского государства, включая Сибирь. Эти и другие факторы нового, постсоветского, существования Сибири (и России в целом) отражаются на качественных и количественных аспектах издательской деятельности сибиряков, на организации и результатах этой деятельности, её значимости для жизнедеятельности людей. В статье оцениваются процессы в региональном издательском деле Сибирского федерального округа, которые происходят в области издания художественной книги.

Ключевые слова: книжная культура, история, Сибирь, книгоиздание.

Литературно-художественное книгоиздание — особый и самый значительный по объёму сектор книгоиздания в современной России в целом и в Сибири в частности. Из 100% общероссийского книгоиздания этот сектор стабильно занимает около 40% [1, с. 10]. Тенденции его развития в постсоветский период отчасти присущи всему современному российскому книгоизданию в новых социально-экономических условиях (с начала 1990-х годов), отчасти специфичны именно для издания художественной литературы, являющейся традиционной частью духовной культуры российских народов, в том числе населяющих сибирские земли и создавшие на этих землях в течение трёх веков несколько крупнейших центров русской книжной культуры (Иркутск, Томск, Новосибирск, Омск, Барнаул, Красноярск, Кемерово и другие) [2, с. 9].

Всё книжное дело в России и в её части — Сибири в постсоветский период подверглось вслед за политическими, социальными, экономическими преобразованиями коренным и по своей сути революционным изменениям. Революционизирующую роль в российском книгоиздании сыграло решение Совета министров РСФСР от 17 апреля 1991 года о регулировании издательской деятельности. Это и ряд более поздних постановлений российского правительства опреде-

лили появление и развитие принципиально новых (по сравнению с советским периодом) не государственно-монополистических, а свободных, рыночных, неподцензурных условий книгоиздания и книгораспространения. Этот, в целом прогрессивный, процесс характеризовался, особенно в первой половине 1990-х годов, стихийностью, неуправляемостью. Идеологический диктат, как отмечает А. Ильницкий, сдал все позиции «диктату рынка»: «издавалось то, что продавалось» [3]; таким образом, в литературнохудожественном книгоиздании доминирующей оказалась тенденция бестселлеризации. Причём книгоиздательский рынок бестселлеров монополизировали центральные издательства Москвы и Санкт-Петербурга, тогда как российская провинция довольствуется примерно 10% от общего количества государственных и негосударственных издательских организаций России.

Анализируя сибирский рынок книгоиздания, С. Гольдберг замечает, что «...ещё в 2004 году ни одна сибирская компания не входила в сотню крупнейших издательств России. В 2006 году в этот список вошло только одно сибирское предприятие — «Сибирское университетское издательство» (Новосибирск) [4].

Не внушают оптимизма относительно перспектив сибирского книгоиздания и такие показа-

тели, приводимые С. Гольдберг, как общий объём продукции, выпускаемый издательствами Сибири в 2006 году. По количеству наименований общий объём продукции составил 5802 печатные единицы — это 5,7% от общероссийского годового объёма, доля же совместного тиража этих изданий всего 0,7% от общероссийского объёма. Многие книгоиздательские предприятия Сибири нерентабельны, констатирует С. Гольдберг: «прибыли с продаж хватает только на то, чтобы продолжать издательскую деятельность и сводить концы с концами» [5].

В этой ситуации пессимист мог бы предположить полную деградацию, даже исчезновение, собственной книжной культуры в Сибири, опирающейся на свои издательские и рыночные ресурсы. Однако есть, на наш взгляд, серьёзные основания для несогласия с высказанным неутешительным прогнозом. Одно из них — инициативы «непонятных одиночек», интеллигентных, образованных энтузиастов развития духовной культуры в Сибири, финансирующих и организующих низкодходные, но культурологически и социально значимые проекты. Об этих энтузиастах и внушительных результатах их деятельности говорит С. Гольдберг, называя их имена: Владимир Свинин (создавший новосибирское издательство «Свинин и сыновья»), Геннадий Сапронов, иркутский издатель («Издатель Сапронов») и другие [5].

Второе основание — более полное, чем это дано в общероссийских государственных библиографических источниках, описание фактов литературно-художественного издания в центрах книжной культуры Сибири.

Приведём и прокомментируем ряд таких фактов.

На основе анализа краеведческих картотек областных научных библиотек Омска, Кемерово, Новосибирска и Барнаула нами получены следующие количественные данные: всего выявлено 2157 наименований литературно-художественных изданий, вышедших в печать в постсоветский период, из них (26%) выпускались на территории областных центров (в районах). Это связано с тем, что с начала 1990-х годов центральные районные библиотеки и отделения при администрациях отдельных районов и областей (Омской, Новосибирской и др.) начали систематически заниматься подготовкой коллективных сборников художественных произведений.

Всего в Омске, Кемерово, Новосибирске и Барнауле, а также на территории прилегающих областей 84 организации, издающие или издававшие художественную литературу в постсоветский период, из них около 70% — коммерческие предприятия. Самым крупным является Сибирское университетское издательство (Новосибирск). Выпуск художественной литературы одним этим издательством по количеству названий составляет 1,3% от общероссийского объёма количества названий изданий художественной литературы, выпущенных с 1991 — 2010 гг.

Статистические данные, приведённые нами, подтверждают реальность и динамизм тех тенденций в развитии издательского дела, которые характеризуют общероссийский масштаб обновления книжной культуры в постсоветский период. Мы имеем в виду

здесь факт преобладания частных издательств и издающих организаций по сравнению с количеством государственных издательств.

Что касается жанрово-видовой структуры издания художественной литературы в вышеназванных центрах, то есть основания отметить более интенсивное издание поэзии (73%), чем остальных жанров. Это можно объяснить тем, что в большинстве случаев издательства выпускают небольшими тиражами (300—500 экз.) непериодические поэтические сборники, посвященные каким-либо событиям, юбилеям, памятным датам.

Из всего сказанного можно сделать вывод: общая оценка современного сибирского литературно-художественного издания не может быть сведена к сугубо культурологической, регионально-краеведческой значимости, как утверждает в своей статье С. Гольдберг: «...о сибирском издательском рынке можно говорить лишь в культурологических, но никак не в экономических категориях» [5].

В сибирском литературно-художественном издании, как и в целом в России, экономическая составляющая характеризуется и присутствует многоаспектно: это и источники финансирования, и прибыль, и сама свобода экономического существования.

Наше рассуждение о критериях общей оценки современного сибирского литературно-художественного издания носит проблемно-полемический характер, его аргументация характеризуется новизной фактографических данных. Сами эти данные нуждаются в расширении и полной систематизации. Но даже в представленном кратком варианте описания содержится, на наш взгляд, доказательство активной и разносторонней издательской работы центров книжной культуры Сибири в постсоветский период.

Библиографический список

1. Книжный бизнес России: итоги 2005 года // Книжный бизнес. — 2006. — № 1. — С. 3 — 12.
2. Пайчадзе, С.А. Книжная культура за Уралом. Исследования конца XX — начала XXI столетий / С.А. Пайчадзе. — Омск: Вариант-Омск, 2008. — 153 с.
3. Ильницкий, А. Книгоиздание в современной России / А. Ильницкий. — [Электронный ресурс]. — 2002. — Режим доступа: <http://www.vagrus.ru>.
4. Гольдберг, С. Сибирский рынок книгоиздания. / С. Гольдберг // Эксперт-Сибирь. — 2007. — № 33 (175). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sup99.ru/articles/29>.
5. Гольдберг, С. Остаться в живых. Анализ сибирского рынка книгоиздания / С. Гольдберг. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sapronov-book.ru>.

БЕРЕЗОВСКАЯ Екатерина Владимировна, аспирантка секции книговедения Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук.
Адрес для переписки: e-mail: Chatrova_k@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 15.03.2010 г.

© Е. В. Березовская

МАСТЕРСТВО П. Н. РЕБРИНА, Т. А. ГОНЧАРОВОЙ КАК ОЧЕРКИСТОВ ГАЗЕТЫ «ОМСКАЯ ПРАВДА» (КОНЕЦ 40-х — НАЧАЛО 50-х ГОДОВ XX ВЕКА)

Автор анализирует очерки П.Н. Ребрина и Т.А. Гончаровой, опубликованные в региональной газете «Омская правда». Они обогатили редакционную палитру новыми жанровыми, стилистическими красками, яркими образами тружеников омской земли. Статья может быть интересной для исследователей, изучающих историю русской литературы и журналистики XX века.

Ключевые слова: газета, очерк, П. Ребрин, Т. Гончарова, образ.

Крупнейшая в Омской области газета «Омская правда» стала благодатной почвой для совершенствования журналистского мастерства, проявления писательского таланта сотрудников. В их числе были Петр Николаевич Ребрин, ставший позднее известным сибирским писателем, и член Союза писателей РСФСР Татьяна Александровна Гончарова.

Исследователи поверхностно рассматривают журналистское творчество П.Н. Ребрина и Т.А. Гончаровой в период их работы в «Омской правде». Например, омский автор А.П. Долгушин в очерке о них дает лишь краткие биографические данные: Т.А. Гончарова «работала корреспондентом в «Омской правде», и не было в области такого уголка, где бы она не побывала по редакционным заданиям» [1, с. 118]. М.Е. Бударин отметил, что «в литературу из «Омской правды» ушли и талантливый романист П.Н. Ребрин, и самоотверженная труженица пера Т.А. Гончарова» [2, с. 142]. Л.М. Флаум пишет: «...Его [П. Н. Ребрина. — О. А.] журналистские, литературные материалы тоже в чем-то такие — не отлаженные» [3, с. 79].

На наш взгляд, журналистское творчество П.Н. Ребрина и Т.А. Гончаровой заслуживает более тщательного, глубокого анализа. Конечно, особенности времени не могли не отразиться на их произведениях. Необходимо учитывать, что в конце 40-х — начале 50-х годов XX века в фокусе общественного внимания были темы строительства и развития Омска и страны, успехи в сельскохозяйственном производстве, промышленности, освоении новых месторождений... Большинство материалов, опубликованных в общественно-политической газете «Омская правда», посвящены именно этой тематике. Неслучайно на страницах печатного издания появляются рубрики, рассказывающие о передовиках производства.

П.Н. Ребрин и Т.А. Гончарова начали работать в «Омской правде» примерно в одно время, вскоре по окончании Великой Отечественной войны. 23 июля 1946 года П. Ребрин был зачислен литературным работником в штат редакции, ему «поручено освещение вопросов по топливу, с месячным испытательным сроком» (приказ № 87 по редакции газеты «Омская правда»). Чуть раньше литературным сотрудником была назначена и Т.А. Гончарова. Сначала работала в отделе пропаганды, с 7 мая 1950 года была переведена литературным секретарем. Во время

работы в газете журналисты изъездили вдоль и поперек районы Омской области, командировки были длительными, продолжительностью по несколько недель, частыми, в течение месяца могло быть три-четыре поездки.

На отношении газетчиков к делу не мог не сказаться подход редакционной коллегии к оценке журналистских материалов. Руководство редакции всегда учитывало не только их злободневность, но и качество литературной подачи. С 1949 по 1951 год в редакции «Омской правды» решено было ежемесячно подводить итоги конкурса на лучший материал, напечатанный в газете. Членами жюри были наиболее авторитетные работники. Судя по сохранившимся в архиве газеты протоколам заседаний жюри, можно сделать вывод о том, что в числе победителей были и Петр Ребрин, и Татьяна Гончарова.

Журналистов отличала выверенная работа над каждым словом, газета была очень популярна, в начале 50-х годов ее тираж с 60 тысяч экземпляров увеличился на треть. Ежемесячно в районах области проводились совещания, где активистами сельской печати подробно обсуждались материалы «Омской правды». Что важно, газета боролась за действенность публикаций: из номера в номер переходила рубрика «По следам наших выступлений».

Тематика материалов, подготовленных П.Н. Ребриным, связана с организацией посевных и уборочных кампаний в районах области, развитием сельского хозяйства в целом. Заголовки его материалов обычно были информативными: «Воспитывать кадры колхозных бригадиров», «Безлюдно на полях называемских колхозов» и т. д. В материалах журналиста всегда присутствует собирательный образ настоящего хозяина. «В районе все знают его как человека деятельного, трудолюбивого и настойчивого. И, очевидно, имея в виду эти черты, люди говорят, что у Петра Петровича характер истинного садовода» («Омская правда». 1952. 1 октября).

Автор создает модель успешного развития колхоза, подтверждая свою точку зрения обильным фактическим материалом, яркими сравнениями, противопоставлениями. «В саду всегда хорошо. Что может быть красивее сада во время цветения, когда стоит он весь белый, а в воздухе, напоенном тончайшим ароматом, то здесь, то там слышно жужжание трудо-

любовивой пчелы» («Омская правда». 1952. 1 октября). «Устремленность к идеалу открывает путь движению времени в будущее, проектирует его утверждение типических образов-символов, смысловых формул и обобщений...» [4, с. 134].

Ребрин ярко демонстрирует особенности ассоциативного мышления для установления связи прошлого с настоящим. В этом ему помогают, в первую очередь, риторические вопросы, он также использует обобщения, что придает каждому слову огромную силу звучания. Особенно это действенно при создании критических материалов. «Зачем понадобилось тов. Капустину исказить действительность? Очевидно, затем, чтобы доказать «несостоятельность» утверждений автора письма, отмахнуться от жалобы («Омская правда». 1952. 27 ноября).

В ряде очерков Ребрин использует подзаголовки. Они делят единое пространство материала на отдельные законченные фрагменты, выбор их продуман — они создают цельную картину происходящего. Как художник, автор выписывает портрет главного героя. Главное, что его отличает от остальных — действенность. Он прилагает огромные усилия для того, чтобы осуществить мечту, он изобретателен и жаждет учиться... Этими мыслями проникается большинство сельских жителей. Благодаря этому преобразуются целые деревни. Например, в очерке «В колхозе «Труд Ленина» («Омская правда». 1952. 21 января) выразительно рассказано о смелом поступке селянина: «...В «круглый лес» прибежала вся деревня. Первым в ледяную воду кинулся Порфирий Христов. Подняв на руки ярку, он вынес ее на сухое место... Отара была спасена».

Среди очерков Ребрин особой поэтичностью, образностью выделяется «Муромцевский лен» («Омская правда». 1952. 2 сентября). В нем сильны фольклорные мотивы: «В давние времена в окрестностях Тары крестьяне называли рожь матушкой, а лен — батюшкой». Автор использует и сказочные зачины: «с тех давних пор», «рассказывают, с тех пор как».

Герои Ребрин — хранители русских традиций, культуры края, страны. Они стремятся найти гармонию в жизни, во времени, поэтическое — в привычном, обыденном. Произведения журналиста объединяет мысль о том, что, несмотря на стремительное развитие техники, гул современных машин не заглушит песни души, успех деревни или района в развитии сельского хозяйства невозможен без сохранения фольклорных корней, философии созидания. Без таких людей, как герой очерка «Муромцевский лен» Иван Кузьмин, который был одним из лучших льноводов.

Читая очерки П.Н. Ребрин, можно выделить еще одну закономерность. Обычный факт приобретает «вселенскую мощь»: «Благородный труд», «Государственный разговор», «Хозяева своей судьбы».

Автор умело подводит читателя к мысли о том, что успех в развитии отдельного хозяйства — это залог процветания огромной страны. Поэтому для автора не существует мелочей, незначительных деталей.

В произведениях Ребрин определение особенностей тембра голоса людей служит яркой характеристикой. Тем самым он привлекает внимание читателя к целой палитре звуков: от солидного баска руководителя сельхозартеля до тоненького голоска сомневающегося в чем-либо человека...

Правда, неуверенные в себе люди в очерках Ребрин-журналиста встречаются редко. Внимание автора сосредоточено на ярких и сильных харак-

терах. Они — люди разных профессий, описывая их будни, Ребрин рассказывает во всех подробностях об особенностях того или иного вида труда, к примеру, о делах колхозного счетовода Константина Лобова в одноименном очерке («Омская правда». 1952. 30 мая). В трехстах газетных строчках отразилась судьба неординарного человека. Характер его, как пишет Ребрин, — «яркобухгалтерский», человек тот скромный и незаметный, но большой знаток своего дела.

В очерках Петра Николаевича очень символическим становится образ собрания, напоминающий встречу мудрецов. Ключевым событием для раскрытия образа становится сцена выступления героя перед народом. В его простых словах — жизненный опыт, зерна рационального и хозяйского подхода к делу.

Показателен в этом плане очерк «Хлеборобы», опубликованный 1 мая 1952 года. Сюжет прост: работой колхоза заинтересовались в столице и просят ответить на несколько вопросов анкеты. Каждый из членов бригады высказывает свою точку зрения. И вот очередь доходит до деда Щербинина: «Человек растет, и урожай растет...» Так и герои произведений Ребрин совершенствуются, относятся с любовью к главному богатству страны — земле, и она их благодарит завидными урожаями. Несколькими десятилетиями позднее уже зрелый мастер Петр Ребрин напишет: «Творческая сила сельского труженика раскрывается в полную силу в коллективах, где люди объединены вокруг общего для данной группы дела... Только в таких коллективах исполнитель становится распорядителем, хозяином, вполне ответственным лицом [5, с. 71].

Через все очерки Ребрин проходит любование автора бытом сельских тружеников, искренне преданных своей малой родине. Образы жителей деревень с газетных полос переключаются в произведения писателя.

В журналистском творчестве Ребрин часто использует образы света, книги. Герои его стремятся к самообразованию, они становятся просветителями. Сам П.Н. Ребрин писал в то время: «Именно газета должна в первую очередь подхватывать и поддерживать каждое новое начинание» [6, с. 220]. В «Омской правде» в послевоенное время одной из основных тем становится обсуждение новых книг, открытие библиотек.

Как сам Ребрин оценивал свое журналистское творчество? Что дала ему работа в редакции? «Всякий раз, приезжая в деревню, я испытывал состояние какого-то подъема, особой заряженности»... [6, с. 207]. «В газетах популяризируются успехи нашего сельского хозяйства» [6, с. 217]... В очерке «Тюкалинские страницы» можно найти даже переосмысление автором части своей газетной работы. «Все эти фразы из газет: «помочь колхозникам вести сельское хозяйство на основе данных науки и техники»... — громкие слова, и ничего больше» [6, с. 198].

Газетные материалы его коллеги по перу Татьяны Александровны Гончаровой также были созвучны с общей концепцией печатного издания. Если Ребрин-журналист анализировал трудовые будни сельских тружеников, то Гончарова затрагивала острые темы нравственности. В мае 1949 года в «Омской правде» появились несколько материалов Гончаровой, ее коллеги признали их лучшими. Один из них — «Мерзость» (1949. 22 мая), написанный по материалам судебного дела, возбужденного против отца, издевавшегося над своими детьми. «Мерзость! Она еще смеет быть иногда на нашей земле, расцветая тайно

на отвратительных плеведах прошлого, она еще смеет мешать детскому смеху, ранит юную душу страданием и отчаянием».

В 50-е годы XX века журналисты к судебным делам обращались не часто, только через десятилетия этот метод подачи информации получит большее развитие. Татьяна Гончарова поднимает тему трагедии семьи, искалеченных судеб детей. В «Омской правде» подобная проблематика была на втором плане, так как общезначимые вопросы отводили внимание журналистов от частных. Очерк Гончаровой получил большой общественный резонанс, 12 июня 1949 года в газете появился материал «Мы порицаем Гирмаса». Например, один из возмущенных читателей пишет: «Мне было больно читать о жизни этих бедных детей, о действиях этого морального уродца — их отца».

Обращаясь к теме расцвета страны и сельского хозяйства региона, Татьяна Гончарова искала новые грани и методы преподнесения информации. Герои ее очерков, как и в произведениях Ребрин, — передовики производства. И все же в отличие от своего коллеги она дает более подробный портрет героя: «Золотятся светлые, отброшенные со лба волосы. Свежее молодое лицо, ясный взгляд серо-синих глаз с непотухающей веселой искрой в зрачках» («Омская правда». 1950. 22 февраля). Гончарова уделяет большое внимание подробностям биографии, ведет диалог с читателем, использует обращения: «Товарищ! Сегодня ты встанешь рано. Праздник войдет к тебе в дом, наполнит душу твою теплом и радостью» («Омская правда». 1950. 12 марта).

В журналистском творчестве Гончаровой важнейшим, концептуальным становится образ весны. «Кажется, только вчера, просыпаясь от сна, взглянула она в весеннее небо теплым влажным глазом проталины, и вот уже прошумели ручьи, открылись пашни, загудели трактора и первая борозда готова принять зерно будущего урожая» («Омская правда». 1950. 1 мая).

Очерки Гончаровой и Ребрин обогатили редакционную палитру новыми жанровыми, стилистическими красками, яркими образами тружеников омской земли. Работа в «Омской правде» была той золотой серединой, которую искали авторы, видевшие в злободневных темах поэтику и красоту жизни, внутреннего мира героя. Все, что было ими почерпнуто в поездках по районам области, нашло отражение в их творчестве в будущем.

Библиографический список

1. Долгушин, А.П. На ветрах времени / А.П. Долгушин // На ветрах времени. Омская журналистика: вчера, сегодня, завтра. — Омск: Ом. Дом печати, 1999. — 192 с.
2. Бударин, М.Е. Были суровых лет / М.Е. Бударин // Меж дней летящих. Сб. очерков / сост. А. П. Долгушин. — Омск: Кн. изд-во, 2003. — 240 с.
3. Флаум, А.М. «Головырино...» и Говорино / А.М. Флаум // Омские перепуты: страницы истории. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. — 105 с.
4. Гладкова, И.Б. Литературный образ Омска в очеркостике и эссеистике / И.Б. Гладкова // Ф.М. Достоевский и душа Омска: сб. статей на основе материалов регионального научного семинара, 27–28 апреля 2000 г., г. Омск. — Омск: ОмГУ, 2001. — 266 с.
5. Ребрин, П.Н. Дружба и хлеб / П.Н. Ребрин — М.: Совет. Россия, 1983. — 72 с.
6. Ребрин, П.Н. Тюкалинские страницы / П.Н. Ребрин // Становление: очерки. — М.: Совет. писатель, 1989. — 413 с.

АДАБИР Ольга Александровна, соискатель кафедры русской и зарубежной литературы.
Адрес для переписки: e-mail: adabir-j@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.06.2010 г.

© О. А. Адабир

Книжная полка

ББК 81.411.2/С34

Сидорова, М. Ю. Русский язык. Культура речи: конспект лекций [Текст]: учеб. пособие для вузов / М. Ю. Сидорова, В. С. Савельев. — 3-е изд. — М.: Айрис Пресс, 2008. — 204 с. — ISBN 978-5-8112-3293-2.

Данное учебное пособие предназначено для студентов гуманитарных и естественных факультетов и полностью соответствует государственному стандарту РФ. Пособие подходит как для работы в течение семестра, так и для быстрой, самостоятельной подготовки к экзамену или зачету и содержит весь необходимый теоретический и практический материал.

Обучение культуре русской речи происходит через подражание образцам, учит эффективно общаться, защищаться от речевой агрессии и речевого манипулирования сознанием, правильно управлять потоком информации, понимать явные и скрытые смыслы речи и создавать деловые, научные, рекламные и другие тексты.

ББК 81/К78

Кравченко, В. И. Универсальный справочник по грамматике латинского языка [Текст]: учеб. для вузов / В. И. Кравченко. — М.; Ростов н/Д: МарТ, 2007. — 286, [1] с.: табл. — (Учебный курс). — Указ.: с. 274-279. — ISBN 978-5-241-00834-3.

Данная книга предназначена для всех тех, кто изучает латинский язык в университетах и вузах на гуманитарных факультетах, а также в классических гимназиях и школах.

Изложение разделов латинской грамматики в данном пособии принципиально отличается от принятого изложения в различных учебниках. Материал располагается в виде отдельных словарных статей, расположенных в алфавитном порядке. Словарь знакомит читателей с фонетикой, словообразованием, морфологией и синтаксисом, а также с основами стилистики и пунктуации латинского языка.

Важнейшей новацией словаря является то, что он представляет собой гипертекст, т. е. построен так, что его можно будет читать двумя способами: по алфавиту и от статьи к статье, обращая внимание на гиперссылки (выделенные полужирным шрифтом слова и словосочетания, означающие, что им посвящена отдельная статья).